

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.А. РОМАНОВИЧ

ПРИНЦИП ИЕРАРХИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЯН О ВЛАСТИ

Иерархическая структура власти воспроизводится в нашей стране, невзирая на демократические реформы. Социологические исследования, проведенные как на общероссийском, так и на региональном уровнях, свидетельствуют о том, что «традиционное» представление о власти, включающее принцип ее иерархичности, прочно укоренено в народном сознании. Идея разделения властей, лежащая в основе демократических реформ, практически не была принята населением. Реальный вес для него имеет лишь исполнительная власть. Причины трансформации демократической системы управления следует усматривать не в авторитарных амбициях отдельных лидеров, а в мировоззрении россиян.

Ключевые слова: Иерархия, структура власти, модель управления, властные отношения, демократическая концепция, традиционное мировоззрение.

Понятие «иерархия» первоначально имело исключительно религиозный смысл и характеризовало тип социальной организации людей, стремящихся к богоуподоблению. Современное значение этого термина экстраполируется на любые властные социальные структуры, и его сакральный оттенок практически утрачен. Сегодня в Социологическом энциклопедическом словаре понятие «иерархия» определяется просто как «последовательное расположение социальных статусов от низших к высшим» и употребляется не только в сочетании со словом «власть», например: «иерархия наук», «иерархия мотивов», «иерархия потребностей», «иерархия вероятностей» и проч. [4, с. 131]. А термин «социальная иерархия» уточняется как «система

Романович Нелли Александровна — Институт общественного мнения «Квалитас», г. Воронеж. Адрес: 394000, Воронеж, проспект Революции, 44-14. Телефон: (4732) 51–20–75.

Факс: (4732) 20–89–07. **Электронная почта:** nelly@qualitas.ru

последовательного подчинения структурных подразделений социальной власти от нижестоящего к вышестоящему» [4, с. 131].

Исследователи считают, что иерархическая централизованная модель управления на Руси сложилась исторически в силу своей эффективности и социальной востребованности. «В ходе эволюции представительства княжеской власти на русских территориях, постепенно объединившихся в рамках единого государства, в XII–XIV вв. была сформирована иерархически выстроенная моноцентричная управленческая модель» [8, с. 5]. Эта модель позволяла сохранять целостность обширной страны на протяжении многих веков.

Но только ли прагматическая необходимость явилась основанием для утверждения на Руси иерархической модели управления? Есть основания считать, что принцип иерархичности власти коренится в религиозном мировоззрении¹. Некоторые исследователи объясняют иерархичность российского общества особым местом православия в его истории. Отмечается, что иерархическое общество обычно «призвано» к служению великой идее [3, с. 30], каковой в данном случае выступает идея Святой Руси. В советском государстве место Бога занимает «великая идея» построения коммунизма, то есть «царства Божьего на земле», — и прежняя иерархическая структура власти воспроизводится. «Советское общество — полагает Б.Н. Кашников, — следует понимать как иерархическое общество, вариацию на тему извращенного идеала Святой Руси» [3, с. 37]. Почему это происходит? Потому что именно

¹ В этой связи представляет интерес беседа митрополита Сергия (Старгородского) с делегацией представителей епархии, состоявшаяся 12 декабря 1927 года. Делегаты принесли митрополиту письмо, в котором в числе прочих просьб и предложений содержалось настояние: «Отменить распоряжение... о возношении молитв за гражданскую власть». Они обосновали это требование следующим образом:

— С религиозной точки зрения, наши правители — не власть.

— Как так, не власть? — изумился митрополит Сергий.

— Властью называется иерархия: когда не только мне кто-то подчинен, а я сам подчиняюсь выше стоящему, и так далее, и всё это восходит к Богу, как источнику всякой власти.

— Ну, это тонкая философия, — с иронией заметил митрополит Сергий.

— Чистые сердцем это просто чувствуют. Если же рассуждать, то надо рассуждать тонко, так как вопрос новый, глубокий, сложный, подлежащий соборному обсуждению [10, с. 150].

Отказ представителей православного народа называть советскую власть «властью», потому что она не является «иерархией», можно расценить как свидетельство того, что в России народному представлению о власти имманентен принцип ее иерархичности.

такая структура присутствует в народных представлениях о власти². Структура «пережила» свою идеологическую подоплеку и воспроизводится вновь и вновь, невзирая на формальные общественные реформы. «Современное российское общество, — как считают философы, — является по-прежнему обществом иерархическим» [3, с. 40–41].

Парадокс состоит в том, что демократическая идеология, которой сегодня пытается следовать Россия, направлена на уничтожение иерархии. Демократическая концепция, согласно которой любой член общества теоретически может стать главой государства, разрушает иерархическую лестницу, разделяющую народ и власть. Ограниченный срок пребывания правителя у власти также способствует нивелированию иерархии, подчеркивая её временный характер. Частая смена руководителей на любом уровне помогает вновь и вновь разрушать иерархическую систему, едва она начинает формироваться. Принцип разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную в демократической схеме не предполагает никакой иерархии между ними. Все три ветви власти находятся на одном уровне, никакая из них не является выше или ниже другой. Они обладают властью в равной степени, хотя и в разных сферах. Если хотя бы одна из них начинает преобладать над другими, то, с точки зрения демократической теории, это равносильно катастрофе. Превалирующая ветвь власти начинает оказывать влияние на другие ветви, последние становятся зависимыми от первой, и вся система сдержек и противовесов дает сбой.

Российские социологические исследования свидетельствуют, что идея разделения властей, лежащая в основе демократических реформ, практически не была принята населением. Россияне воспринимают власть, исходя из принципа иерархичности, а не параллельности, как это принято в демократических схемах. Реальным весом для них обладает лишь исполнительная власть [11, с. 140]. Имеет место отношение к парламенту как к «ненастоящей, вторичной, показной власти», порой он даже «выступает в виде ненужного и мешающего власти органа» [6, с. 21].

Данные общероссийских исследований находят подтверждение на региональном уровне. Обратимся к результатам ежемесячных социологических опросов Института общественного мнения «Квалитас»³.

² Существует мнение, что всякий раз, «употребляя слово “иерархия” для описания структуры власти, человек, сам того не замечая, утверждал её сакральное происхождение» [5, с. 7].

³ Опросы жителей Воронежа в возрасте от 18 лет проводятся в рамках инициативного проекта с 1998 г. (репрезентативная выборка от 600 до 1000 человек, метод личного интервью). Данные опросов и комментарии

В мае 2004 г. респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, у кого должность выше?» (табл.)⁴. Логика демократической схемы уравнивает должности мэра и губернатора, так как последний тоже избирался народом, а не назначался президентом. Однако, исходя из ответов респондентов, не приходится сомневаться, что для большинства опрошенных губернатор по должности стоит выше мэра, а выше всех — президент страны. Эта пирамида относится к исполнительной власти. А если сравнивать исполнительную и законодательную власть, то оказывается, что они тоже имеют разный вес: представители первой ветви власти в глазах населения выше по должности, нежели представители второй ветви. Если судить по ответам, то должность губернатора выше, чем председателя Областной думы, а должность мэра выше, чем председателя Городской думы. Таким образом, законодательная власть в представлениях граждан не является автономной, а тоже включена в единую иерархическую схему. К такому мнению приходят и политологи, называя государственное устройство сегодняшней России «параконституционным». В отличие от конституционного государственного устройства, которое основывается на принципе разделения властей и выборной системе представительства, параконституционное основано на принципах *неразделенности* власти, назначаемости на должности и прямого подчинения первому лицу государства — что в совокупности авторы называют «самодержавной демократией» [2, с. 56–57].

Таблица

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, у кого должность выше?», % по строке

Представители власти	У первого	У второго	Их должности равны по своей значимости	Затрудняюсь ответить
У мэра или губернатора	12	75	9	4
У губернатора или председателя Областной думы	59	17	12	12
У мэра или председателя Городской думы	64	12	13	11
У президента или губернатора	97	1,5	0,5	1

представлены в «Ежемесячных бюллетенях социологических сообщений по городу Воронежу», которые распространяются путем подписки среди СМИ, местных властных структур и общественных организаций, а также рассылаются в другие российские регионы и за рубеж.

⁴ Заметим, что в то время и президент, и губернаторы выбирались всеобщим голосованием.

Представление, что исполнительная власть *важнее*, чем законодательная, отражается на явке избирателей во время выборов: выбирать «исполнителей» граждане идут охотнее, чем «законодателей». Более того, выборы в законодательные органы власти в Воронеже (как и в других городах) не раз были признаны несостоявшимися по причине малой явки.

В 1999 г. как Президент РФ, так и губернаторы избирались на всеобщих выборах. Поэтому, несмотря на принадлежность к одной и той же ветви власти, иерархия между ними нивелировалась. В связи с этим потребовались поправки к Конституции, которые получили одобрение со стороны общественного мнения. Так, в ноябре 1999 г. на вопрос: «*Одобряете ли Вы или нет поправку к Конституции, согласно которой федеральной власти (президенту или правительству РФ) предоставляется право освобождать от должности губернаторов, если они в своей деятельности не соблюдают общероссийское законодательство?*» — 60% опрошенных ответили положительно, 24% — отрицательно, 16% затруднились с ответом. Более того, жители региона в большинстве своем (57%) одобрили предоставление федеральному центру возможности отменять местные региональные законы⁵. Таким образом, большинство воронежцев в случае конфликта между федеральными и местными законами отдали бы приоритет первым и готовы были закрепить это в Конституции.

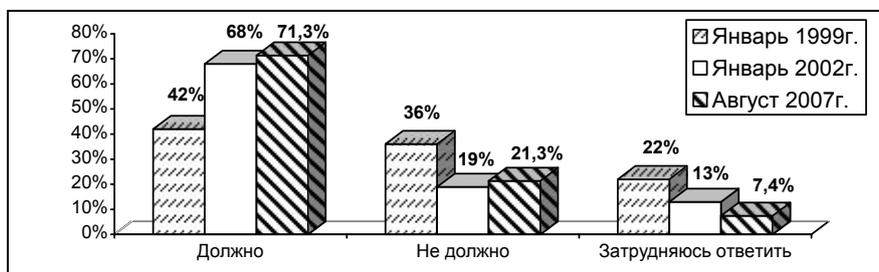

Диаграмма 1. Распределение ответов на вопрос: «Должно ли руководство страны (президент, правительство) иметь право отменять решения руководства регионов?»

На вопрос: «*Должно ли руководство страны (президент, правительство) иметь право отменять решения руководства регионов?*» — большинство респондентов на протяжении всего периода исследований отвечали положительно. Правда, распределение ответов менялось

⁵ Вопрос: «*Одобряете ли Вы или нет поправку к Конституции, согласно которой федеральной власти (Президенту или правительству РФ) предоставляется право отменять местные региональные законы, если они не соответствуют общенациональному законодательству?*»

в зависимости от отношения к конкретным представителям власти (см. диаграмму 1). Самая низкая доля позитивных ответов была зафиксирована в 1999 г., когда центральную власть представлял непопулярный в то время Б. Ельцин, но и тогда население наделяло центральную власть большими полномочиями, чем региональную (42% позитивных ответов против 36% негативных). За последующие 8 лет эта тенденция укрепилась: с 1999 по 2007 гг. доля положительных ответов выросла с 42% до 71%.

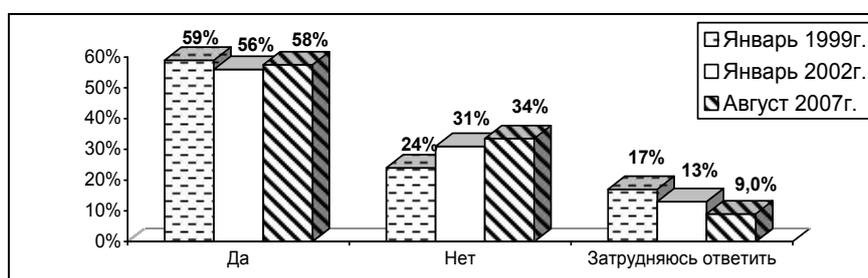

Диаграмма 2. Распределение ответов на вопрос: «Имеют ли право региональные руководители (губернаторы) противостоять центральной власти, если они не согласны с её курсом?»

В то же время, согласно опросу в августе 2007 г., большинство воронежцев (58%) полагают, что региональные руководители имеют право противостоять центральной власти в случае несогласия с ее курсом (см. диаграмму 2). Около трети горожан (34%) разделяют противоположную точку зрения (отметим, что за 8 лет эта доля заметно возросла — на 10 п.п.).

Таким образом, согласно логике респондентов, губернатор имеет право противостоять центральной власти и отстаивать свой курс, но если президент отменит его решение — должен смириться. Последнее слово всегда должно оставаться за главой государства, а не за главой региона.

В целом, как свидетельствуют результаты исследований ИОМ «Квалитас», центральная власть в глазах воронежцев обладает большей значимостью, чем местная. Изменения в законодательстве, инициированные высшей властью, россияне принимают, так как признают за ней право корректировать законы, особенно если те относятся к сфере демократических прав, а не их непосредственных жизненных интересов. Когда в 2004 г. В. Путин начал реформу власти, его инициатива нашла поддержку у большинства воронежцев. В сентябре на вопрос: «Вы одобряете или не одобряете новую систему формирования региональной власти, при которой глав регионов избирают не всенародным голосованием, а региональными парламентами по представлению президента РФ?» — 52% респондентов ответили положительно, а 30% — отрицательно.

Отмена В. Путиным прямых всенародных демократических выборов губернаторов не вызвала серьезного протеста и возмущения. Россияне, как и прежде, со спокойствием, граничащим с безразличием, относятся к действиям властей, связанным с демократическими реформами. В свое время наши сограждане спокойно приняли «подарок» власти в виде возможности участвовать в выборах губернаторов — и так же спокойно отнеслись к тому, что этот «подарок» забрали назад. Для сравнения: совсем иначе население отреагировало на монетизацию льгот; здесь правительство, столкнувшись с явно выраженным протестом, вынуждено было идти на уступки.

Принцип иерархии в представлениях населения распространяется и на муниципальные органы власти. В настоящее время, согласно Конституции РФ, органы местного самоуправления и органы субъектов Федерации разделены, что не позволяет губернаторам назначать мэров областных центров. Но для того, чтобы это стало возможным, не требуется менять Конституцию — достаточно перевести города-миллионники в областное подчинение, внося соответствующие изменения в закон о местном самоуправлении.

Если предположить, что Президент РФ осуществил только часть «антитеррористической» программы, и реализация принципа «вертикали власти» будет доведена до конца, то губернаторы получают возможность назначать мэров муниципальных образований. В ходе опроса в октябре 2004 г. ИОМ «Квалитас» предложил воронежцам оценить возможность такой перспективы⁶. Полученные ответы свидетельствовали, что воронежцы не пойдут на баррикады, если у них отнимут право выбирать себе не только губернаторов, но и мэров. Мнения респондентов разделилось почти поровну, но всё же сторонники отмены выборов мэра преобладали над противниками: 38% против 32% соответственно (18% горожан выразили безразличие по этому поводу, а 12% затруднились с ответом). Иными словами, население готово принять такое положение дел, когда принцип иерархии пронизывает структуру власти сверху донизу, включая и органы местного самоуправления.

Губернаторы, как и население, приветствовали бы отмену выборов глав городских администраций. Например, глава Свердловской области Э. Россель еще в сентябре 2004 г. высказался так: «Я не вижу здесь проблем: станет меньше расхлябанности и политической болтовни. Мэры будут заниматься хозяйством, тем, что необходимо. А кто не

⁶ Вопрос: «Как Вы считаете, федеральные власти должны или не должны продолжить начатую реформу и заменить всенародные выборы руководителей муниципальных образований (мэров) их назначением главами областных администраций (губернаторами)?»

будет заниматься — тот не будет работать» [7]. С Росселем были согласны и главы других областей, желавшие видеть на посту мэра хозяйственника, а не политика. Мэр-политик почти неизбежно вступает в конфликт с губернатором, что наблюдалось во многих областях страны, включая Воронежскую. Поэтому зачастую из Кремля звучали заявления, суть которых сводится к следующему: нежизнеспособный и опасный для России мутант с двумя хребтами — государственная и муниципальная системы власти — должен умереть.

Некоторые федеральные чиновники высказывались еще жестче. В частности, В. Сурков (замглавы администрации Президента РФ) заявлял, что «мэры будут назначаться, потому что только тогда вертикаль приобретет ясный характер» [7].

Правда, не все мэры обрадовались такой перспективе. Например, глава Екатеринбурга А. Чернецкий (оппозиционер областных властей) заявил журналистам из Regions.Ru: «Предложенная заместителем главы администрации Президента РФ Владиславом Сурковым инициатива мне кажется излишней. Кроме того, она нарушает Конституцию страны. И если российская Конституция может быть подкорректирована, то Европейская хартия по правам человека подкорректирована быть не может. Поэтому я сомневаюсь, нужны ли государству такие проблемы и конфликт с международным сообществом» [Цит. по: 7].

Глава ЦИК А. Вешняков тоже позволил себе усомниться в конституционности подобного закона, заявив, что «при разработке подобных проектов необходимо обязательно иметь в виду требования Конституции, в соответствии с которыми местное самоуправление не входит в систему исполнительной власти РФ» [1]. Но само возникновение дискуссии свидетельствует о наличии иерархической схемы в сознании не только «непросвещенного» народа, но и вполне искушенных в политике деятелей. Любопытно, что население Воронежа, согласно данным опроса в мае 2005 г., готово передать полномочия назначения мэра скорее губернатору, нежели Городской думе (16% против 4% соответственно).

В октябре 2002 г. 57% опрошенных отметили наличие конфликта между руководством администрации Воронежской области и города Воронежа. При этом на вопрос: «Как Вы считаете, смогут ли руководства области и города преодолеть существующие разногласия с пользой для жителей как города, так и области?» — 64% респондентов ответили отрицательно. Воронежцы оказались правы. Конфликт между тогдашними мэром А.Я. Ковалевым и губернатором В.Г. Кулаковым так и не был разрешен и окончился досрочным уходом мэра со своего поста. При новом мэре Б.М. Скрынникове наблюдалась аналогичная картина противостояния городской и областной

власти, поскольку конфликт имеет системный характер. В сентябрьском опросе 2007 г. среди ответов на вопрос: «Кто, на Ваш взгляд, составляет оппозицию областным властям?» — одним из самых популярных был ответ «городские власти».

Более того, результаты опросов свидетельствуют, что глава города воспринимается большинством жителей как лицо, подчиненное губернатору и подотчетное ему. Поэтому конфликт между мэром и губернатором может восприниматься воронежцами как «бунт» против вышестоящей власти. Такое противостояние в глазах народа обычно ослабляет позиции обеих сторон. «Бунтарь» может встретить со стороны населения как сочувствие, так и осуждение (в зависимости от конечного результата борьбы), а на вышестоящую власть в любом случае падает подозрение в слабости. А власть, заподозренная в слабости, быстро теряет своих сторонников.

Представление, что власть иерархична, проявляется и в том, каким образом наши сограждане распределяют ответственность между различными ее структурами. На плечи людей, занимающих самые высокие места во властной пирамиде, всегда водружается большая ответственность.

Например, весной 1999 г. депутаты Муниципального совета Воронежа лишили некоторых своих коллег депутатского статуса из-за того, что те параллельно работали в органах исполнительной власти города. Мы обратились к воронежцам с вопросом: «Кто, по Вашему мнению, виноват в возникновении кризиса в исполнительных и представительных органах власти г. Воронежа?» Результаты опроса, проведенного в мае 1999 г., были поразительными. Самых виновников скандала, депутатов, совмещавших две должности, обвинили лишь 9% опрошенных. В большей степени воронежцы готовы винить в происходящем лично мэра (12%), а в ещё большей (24%) — губернатора! Казалось бы, областное руководство совсем уж не причастно к скандалу в городских органах власти. Здесь, по всей видимости, срабатывает принцип: «барин не справился с потасовкой дворни у себя дома». И чем «главней» хозяин, тем больше и его вина.

Кроме того, населению недосуг разбираться с тем, какие именно властные структуры несут ответственность за городские проблемы, поэтому вина ложится сразу на всех. Например, на вопрос: «Скажите, пожалуйста, кто несет ответственность за складывающуюся ситуацию с общественным транспортом?» — самым популярным ответом был «городская и областная администрация в равной степени» (опрос проведен в августе 2003 г.). Аналогичными оказались ответы и на другие подобные вопросы. Принцип разделения властей, и, соответственно, разделения обязанностей, не вписывается в представления населения о власти. Юридические тонкости системы распределения

обязанностей «наверху» не то чтобы недоступны простым гражданам — они просто не желают в них вникать, пребывая в уверенности, что всё зависит от воли властей предержащих. «Они между собой, если захотят, всегда договорятся», «у них своя песня, а у нас — своя» — вот характерные суждения. Следует отметить, что обе структуры (областная и городская власть) воспринимаются населением как уполномоченные принимать решения относительно проблем Воронежа. Только городская администрация занимается непосредственно областным центром, а областная обязана заниматься ещё и другими городами и селами Воронежской области. Поэтому вывод, что за происходящее в городе должны отвечать обе структуры, выглядит логичным. Так, например, за работу подразделения отвечает и начальник отдела, и директор предприятия, который курирует в том числе и другие отделы.

Как поясняли некоторые респонденты, областная администрация даёт поручения городской, руководит ею, то есть занимает по отношению к ней вышестоящее, начальственное положение. Переубедить население, что это не так, крайне трудно по причине укорененного в народном сознании образа власти. Её моделью может служить матрешка: каждая меньшая матрешка заключена в недра своей большей сестрички, а над каждым управляющим есть свой начальник, над которым есть ещё больший начальник, и т. д. Самый большой начальник отвечает за всё.

Заметим, что социальная иерархия предполагает подчинение нижестоящих органов власти вышестоящим. Как уже отмечалось, население Воронежа считает, что губернатор стоит на иерархической лестнице выше мэра или председателя Областной Думы. При этом оба последних, по мнению опрошенных, находятся в прямом подчинении у губернатора, только первый отвечает за город, а второй — за область. Мэр, как считает население, в свою очередь, уполномочен «командовать» председателем Городской Думы. Над губернатором же высится президент. *Властная структура не мыслится населением без иерархии.* Если человеку не удастся решить какой-то бытовой вопрос, например о починке крыши или прохудившимся трубопроводе, на уровне муниципальной организации, он считает правильным обратиться не только к мэру, но и к губернатору, а ещё лучше — к самому Президенту РФ. В этой связи вспоминаются вопросы населения к В. Путину, заданные в прямом эфире: о том, что в тех или иных районах нужно провести газ или отладить систему водоснабжения. Чем «выше» власть, тем сильнее будет давление на ту власть, которая «внизу», и тем больше вероятность положительного разрешения вопроса. Так считали люди, задававшие свои вопросы, и они не ошиблись: после их обращения к Президенту РФ, проблемы были решены, поскольку В. Путин «взял их на заметку».

Если человека не устраивает решение суда, «иерархическая» логика подсказывает ему пожаловаться представителям исполнительной

власти. Зачастую он так и делает, полагая, что более «высокая» власть сможет повлиять на «подчиненную» ей. И не усматривает в этом никакого противоречия. На самом же деле, согласно демократической концепции, должности мэра и губернатора, при условии их выборности, равнозначны по своей роли в организации управленческой деятельности на соответствующем уровне публичной власти — муниципальной и государственной власти субъекта Федерации. Поскольку территории муниципальных образований есть часть территории субъекта Федерации, то даже при условии разграничения сфер деятельности и полномочий органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления пространственные границы их реализации не могут не пересекаться. В этом заложен источник конфликтов и противоречий даже при демократической форме правления. Подобный конфликт можно наблюдать во многих российских регионах, а в Воронежской области он стал почти перманентным.

Можно говорить, что население нуждается в правовом просвещении... Но позволим себе усомниться в том, что оно способно решить эту проблему. Когда тот или иной представитель власти утверждает, что он не уполномочен заниматься каким-либо вопросом, ссылаясь на Конституцию, люди воспринимают это как отговорку, «отфутболивание» к другой инстанции, нежелание заниматься их проблемой. Правовые действия представителя власти, когда, например, губернатор снимает с себя ответственность за дела в городском хозяйстве, которые находятся в ведении мэра, вызывают у населения в лучшем случае раздражение. А в худшем случае — сомнения в силе и могуществе этой власти, которые, как мы уже говорили, являются для нее самым страшным приговором. Россияне готовы простить власти любые ошибки, лишь одного — *слабости* — не простят никогда. И это логично в рамках той системы ценностей, которая сформировала восприятие власти, характерное для российского общества. Первейшая обязанность власти — это защита, а для этого власть должна быть сильной. Слабая власть не способна защитить, поэтому перестает пользоваться общественным уважением и теряет свою легитимность.

Власть чувствует ожидания народа, тем более что эти ожидания соответствуют и ее собственному мировоззрению, так как она тоже является продуктом данной культуры. Но даже если бы представители власти и имели иное мировоззрение, они все равно вынуждены корректировать свои поступки в соответствии с ожиданиями граждан, иначе их рейтинги начнут падать (как это было с рейтингом Б. Ельцина). А если рейтинг правителя растет, это значит, что ему удастся воплотить в своей деятельности народные чаяния (рост рейтинга В. Путина об этом свидетельствовал). Конечно, опытный политик будет стремиться соответствовать требованиям общества, потому что желает сохранить и преумножить оказываемое ему доверие, — даже в том случае, если эти требования не вполне соответствуют его личным убеждениям.

Подведем итоги. Российская власть вновь воспроизводит иерархическую структуру, несмотря на провозглашенный принцип разделения властей. И происходит это не потому, что представители власти имеют авторитарные амбиции, а потому, что иерархические схемы лежат в основе «народного» образа власти. Как писал Мишель Фуко, существуют инвестиции желаний, создающие образ власти и повсюду его распространяющие [9]. Профессиональный политик обязан воплотить эти желания, иначе он потеряет доверие граждан. Народ «не узнает» своего правителя, если он не будет соответствовать заложенному в культуре образу, и отвергнет его как «чужого». На это указывают российские политологи: «Логика “укрепления властной вертикали” отражает не только личное стремление Путина к более эффективному правлению, но и глубоко укорененную историческую традицию функционирования государственной власти в России» [2, с. 57]. Сегодняшний Президент России Дмитрий Медведев также действует в рамках сложившихся традиций функционирования российской власти, несмотря на заявленную либеральную позицию. Поэтому в России демократическая система управления приобретает чуждые демократии черты иерархичности. Образ власти в менталитете россиян, основанный на четкой иерархии, «довлеет» над политиками, корректируя их деятельность посредством латентных экспектаций населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жегулев И. Вертикаль уперлась в мэров или выборы мэра Ростова могут отменить [online]. Дата обращения 08.10.2004. URL: <<http://www.7c.ru/zhegulev/2935.html>>
2. Иванов А.Ф., Устименко С.В. Самодержавная демократия: дуалистический характер российского государственного устройства // Политические исследования. 2007. № 5.
3. Кашиников Б.Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. № 2.
4. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Транзиткнига, 2004.
5. Сергеев В.М., Сергеев К.В. Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Политические исследования. 2003. № 3.
6. Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Власть. 2006. № 3.
7. Травкина Д. Мэры разделят участь губернаторов [online]. Дата обращения 04.19.04. URL: <<http://www.pda.nr2.ru/4111.html>>
8. Федоров А.Ю. Институт представительства центра в регионах: от древней Руси до распада СССР // Власть. 2006. № 9.
9. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: В 3-х ч.: Ч. 1 / Пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. С. 77.
10. Цыпин Владислав, прот. Русская церковь 1925–1938. Издание Сретенского монастыря. 1999.
11. Шестопал Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России // Политические исследования. 2005. № 3.